

вым же натиском русской кавалерии. Генерал с небольшой кучкой ветеранов отбивался до последнего. Он лично застрелил двух драгун, но получил сабельный удар в шею и был схвачен. Какой-то части отступавших удалось скрыться в лесу и уйти. Витебский краевед В.К. Добровольский, живший в начале прошлого века, сообщает, что после разгрома «...остатки французского гарнизона быстро отступили к Смоленску». В числе немногих счастливых был и А. Пасторе, который после многих приключений, следуя «...по совершенно неизвестной нам дороге, живя добровольными подачками от мужиков, то принимаемый ими, то изгоняемый с презрением», добрался-таки до Смоленска и смог вернуться на родину.

В донесении командующего русским корпусом об этом бое говорится, что «...неприятельский урон велик». Безвозвратные потери составили, очевидно, треть отряда Ф. Пуже. Сам генерал, 10 офицеров и около 300 солдат попали в плен. Были взяты и оба вражеских орудия. М.О. Без-Корнилович, знакомый, очевидно, с какими-то местными источниками, писал в середине 19 века, что русские «...взяли в плен бывшего в Витебске губернатором генерала Пуже, коменданта полковника Шеаре, 10 офицеров, 7 жандармов, 300 человек нижних чинов и 2 орудия с ящиками и лошадьми. Победителям достался провиантский магазин с 750 четвертями муки и ржи, 40 четвертями круп, сена 4 000 пудов и 6 бочек водки». Свои потери в Витебском бою русские военные историки 19 века исчисляют в 44 человека. (Хотя в донесении П.Х. Витгенштейна указано, что «...с нашей стороны потеряно убитыми и ранеными не более 25 человек»).

Оставив в городе гарнизон (26-й егерский полк, сотню казаков и 2 орудия) отряд генерал-майора В.И. Гарпе присоединился к главным силам корпуса.

Бою за г. Витебск посвящена 22-я стена мемориала храма Христа Спасителя в Москве.

Смолянцы, 2 ноября. Бой у с. Смолянцы (Смоляны) Лепельского повета Витебской губернии (ныне д. Большие Смолянцы Чашникского района Витебской области) произошел 2 (14) ноября 1812 года. Группировке наполеоновских войск (всего 87 батальонов, 40 эскадронов, 151 орудие, ок. 34 800 человек) под командованием маршала К. Виктора противостояла

группировка русских войск (всего 57 батальонов, 8 дружин ополчения, 31 эскадрон, 20 сотен иррегулярной кавалерии, 170 орудий, ок.31 500 человек) под командованием генерала от кавалерии П. Х. Витгенштейна.

После неудачного для наполеоновских войск боя у Чашников, они отступили к м. Черей. Туда, после лечения в Вильно, прибыл маршал Н. Удино, вновь принявший командование над своим сильно поредевшим корпусом.

22 октября из Главной квартиры «Великой армии», подходящей к Смоленску, маршалу К. Виктору была направлена секретная депеша. «Император приказывает Вам, – говорилось в ней, – собрать тотчас же все 6 ваших дивизий, ударить на Витгенштейна, отеснить его за Двину и овладеть Полоцком. Действия эти чрезвычайно важны. Начните действовать наступательно, от чего зависит спасение армии: всякое промедление будет бедствием».

Утром 1 ноября, прямо с марша, 12-я пехотная дивизия генерала Л. Партуно, поддержанная 31-й легкой кавалерийской бригадой генерала Ф. Фурнье, атаковали у м. Лукомль русский авангард под командованием генерал-майора И. И. Алексеева (5 батальонов пехоты, 3 полка регулярной кавалерии, 2 казачьих полка, 12 орудий). Участник этого боя, капитан 125-го полка линейной пехоты С. Вагевир отразил этот боевой эпизод в своих записках. «Ночью, снявшись с лагеря, – пишет он – мы пришли 12-го числа (*новый стиль – В.Л.*) в Лукомль и здесь имели сильную схватку с неприятелем, как в самом селении, так и вне его. Русские воспользовались ночью, чтобы засесть в домах и сараях, дать нам беспрепятственно войти, а потом напасть на нас. Но их вовремя открыли. ...Мы потеряли много; между прочим, из моей роты было убито более двадцати человек. Потери с его стороны были не менее наших». После упорного двухчасового боя русский авангард отошел на позиции возле с. Смолянцы, южнее м. Чашники и держался тут до наступления темноты.

В ночь на 2 ноября некоторые части русского авангарда были сменены, командование над ним принял генерал-лейтенант Л. М. Яшвиль. К утру русская боевая линия была выстроена почти на той же местности, как и полмесяца назад в деле при Чашниках. Корпус Ф. Ф. Штейнгеля и часть 14-й пехотной ди-

визии стояли на правом берегу р. Лукомки, частью на высотах, частью за ними. Левое крыло позиции прикрывали несколько эскадронов кавалерии. Восемь батарейных и легких орудий были поставлены позиции у с. Смолянцы. Само селение было занято егерями. На другом берегу речки, несколько южнее, заняли позиции батарейная рота №6 и половина №1 легкой артиллерийской роты. Ниже по течению расположился пехотный корпус Г.М. Берга. Корпусной резерв под командованием генерал-майора А.Б. Фока форсированным маршем спешил от м. Лепель на соединение с главными силами.

Как позднее вспоминал участник боя фельдфебель 2-го батальона Баденского 2-го полка линейной пехоты Й. Штейнмюллер, «...В этот день дул резкий ветер, холод был ужасный, говорили, что термометр опускался до 22 градусов ниже нуля». Далее он пишет, что 2 ноября, «...едва наступил рассвет, как опять началась канонада». Французская дивизия генерала Ж. Жерара утром атаковала русский авангард (4 батальона пехоты, 5 эскадронов драгун, 6 орудий), но тот не дрогнул. Генерал-лейтенант Л.М. Яшвилль, как засвидетельствовал сам командующий корпуса в донесении царю, «...по приказанию моему отступил к корпусу на позицию при мызе Смольне в большом порядке, как бы то было на маневрах». Эти войска вывели в резерв, за исключением половины №3 конной роты, поставленной у речки рядом с другими орудиями.

Следуя за русским авангардом, К. Виктор постепенно выстраивал свои дивизии влево от Смолянцев, после чего атаковал правое крыло русского корпуса. Атака была отбита перекрестным артиллерийским обстрелом стоявших на обоих берегах Лукомки русских батарей. Отбрасываемые несколько раз этим убийственным огнем, наполеоновские колонны постепенно принимали вправо и, перестраиваясь, остановились в полуверсте от Смолянцев. Маршал решил взять село, чтобы прорваться к артиллерийским батареям и рассечь русскую позицию надвое. «Мы шли теперь, – свидетельствует Й. Штейнмюллер, – под огнем против их левого крыла, опиравшегося на деревню, которую атаковал батальон бергских войск. Стрелковые роты баденской бригады стали обходить неприятеля, чтобы отрезать деревню. Между тем русские батареи поддерживали жестокий огонь; их ядра вносили смерть и гибель в наши

ряды, но стрелки под градом ядер и картечи устремились на врага и несколько раз прогоняли его из деревни. Русские упорно отстаивали свои позиции».

Одновременно К. Виктор предпринял несколько попыток смять своей конницей фланги русской позиции. (Из русских рядов видели, как лошади французской кавалерии, изнуренные и не подкованные, скользили и шатались на гололедице. Не имея возможности набрать необходимого разгона для удара, эскадроны Ф. Фурнье легко отбивались русской артиллерией).

Но в центре бой за Смоленцы принял крайне ожесточенный характер. Здесь особо отличился бесстрашный командир Невского пехотного полка Г.Х. Шеле. Полковник лично 5 раз водил своих людей в рукопашные схватки и только чудом уцелел. Под стать ему был и французский бригадный генерал Г. Лорансе, начальник штаба 2-го пехотного корпуса (и зять маршала Н. Удино). В этом бою он был четырежды ранен – и все же не погиб, пожил еще 43 года, оставив интересные мемуары о походе в Россию. Село 6 раз переходило из рук в руки и на некоторое время осталось за французами. «В этом деле, – повествует история Навагинского полка, – приняли участие все русские войска, стоявшие на правой стороне реки. ...Наконец Севский полк (*переброшенный с левого берега Лукомки – В.Л.*) отбил в последний раз французов и овладел селением».

Но французский маршал, хорошо помня содержание последней депеши Наполеона, не собирался уступать. Посоветовавшись с Н. Удино, он решил оставить его дивизии для продолжения фронтальных атак, а свои двинуть в глубокий обход русской позиции. Из рапорта П.Х. Витгенштейна видно, что во второй половине дня «...в виду моем с большей частью своих войск неприятель потянулся вправо по р. Улла на Бойченково; но был неожиданно там встречен моим резервом под командою генерал-майора Фока, остановился ночевать». Другая часть наполеоновских войск, тем временем, попыталась навести мосты через Лукомку за правым флангом Ф.Ф. Штейнгеля, но вновь была отбита. Бой длился весь световой день и затих лишь к вечеру. «Когда началась темнота, – пишет Й. Штейнмюллер, – и у нас истощился запас снарядов, мы отошли в соседний лес». Голландец С. Вагевир вспоминал, что вечером, после прекращения огня «...был объявлен приказ императора, чтобы все

вакантные офицерские места были замещены. Это было приведено в исполнение немедленно тут же, на поле сражения».

Утром 3 ноября К. Виктор, прикрываясь сильным арьергардом, отошел на Мелешкевичи и далее к Черее. Он не смог выполнить приказ императора, что явилось одной из главных причин катастрофы «Великой армии» на Березине.

Французские потери в бою при Смоленцах составили около 3 тысяч человек (из них 800 пленных). В своем рапорте Александру I командир русского корпуса написал, что «...деревня Смольна была вся завалена мертвыми его (*неприятеля* – В.Л.) телами, равно как и место сражения». Русские потери, по разным оценкам, колеблются в пределах 2,1–2,5 тысяч человек, а с учетом погибших и раненых накануне в авангарде, могли примерно равняться французским. Большие потери, по сравнению с регулярными частями, были у ополченцев (17 офицеров и 300 ратников в 4-й и 6-й дружинах Новгородского ополчения).

За Смоленцы генерал-майорские эполеты получил также шеф Гродненских гусар Ф.В. Ридигер, а начальник артиллерии Финляндского корпуса генерал-майор А.А. Бельгард – пожизненный годовой пенсион в 1800 рублей. Этот бой запечатлен на 23-й стене мемориала храма Христа Спасителя в Москве.

Впоследствии произошла некоторая путаница с названием селения, по которому именуется это сражение. На карте 1812 года несколько южнее м. Чашники, на правом берегу р. Лукомки, показано село Смоленцы (ныне д. Большие Смоленцы). Известно, что рядом находилась и мыза (фольварк) того же наименования. Между тем, в рапорте П.Х. Витгенштейна упоминается лишь деревня Смольна. Авторитет «спасителя Петербурга» был непререкаем и русские военные историки 19 века писали о «сражении при Смольне» и даже показывали на планах и схемах значительный населенный пункт с таким названием, примерно в версте восточнее маленького селения Смоляны (Смолянцы). Сила традиции оказалась столь велика, что подобные названия и схемы имеются и в современных историко-энциклопедических изданиях. Между тем, как сообщают сотрудники Чашникского исторического музея, «...населенного пункта Смольна в Чашникском районе не было и нет. По-видимому, в этом месте находилась смолокурня или смольня (местное название)».